

Поворот к интеллигенціи

Совѣтская диктатура поворачивается лицом к интеллигенціи.

Подготовка поворота началась по командѣ — через нѣсколь-
ко дней послѣ выхода в свѣтъ «Краткаго курса исторіи ВКП»: со-
впаденіе дат, как увидим дальше, не случайное. В рядѣ ответ-
ственных статей «Правды» был подвергнут разсмотрѣнію вопрос
о положеніи различных групп совѣтской интеллигенціи, начиная со
студенчества и кончая музыкантами. Через мѣсяц послѣ начала
кампаніи послѣдовали одна за другой три деклараціи, знаменую-
щія новый курс в отношеніи интеллигенціи, из трех штабов «пар-
тіи и правительства». 29-го октября прошлаго года член политбю-
ро Жданов, в рѣчи, произнесенной на торжественном пленумѣ ЦК
комсомола, провозгласил: «Без своей интеллиген-
ціи мы не можем управлять успѣшно го-
сударством». 6-го ноября предсѣдатель совнаркома, Мо-
лотов, в торжественной рѣчи к 21-й годовщинѣ совѣтской власти
заявил: «Без своей интеллигенціи нельзя
строить коммунизма». И наконец, утвержденіе нова-
го поворота получило санкцію со стороны высшаго органа — ЦК
партіи, который в своем постановленіи от 14-го ноября «О ста-
новкѣ партійной пропаганды в связи с выпуском «Краткаго курса
исторіи ВКП» с наименьшей рѣшительностью объявил, что «ни
одно государство не могло и не может
обойтись без своей интеллигенціи».

С тѣх пор, как большевистская партія стала партіей, прави-
щей государством, она только и дѣлает, что поворачивается куда-
нибудь лицом. Повороты ея столь разнообразны, что создается впе-
чатлѣніе о необычайной многоликости этого «монолита». Сегодня
поворачиваются лицом к бѣдняку, завтра—к середняку, котораго
потом смѣняет снова бѣдняк. То возводится в незаблемый догмат
поворот к «станку», то от станка лицо диктатуры обращается к ка-
бинету директора, командующаго над стоящими у станка. Стано-
вятся лицом к спецу, чтобы с такой же быстротой отвернуться от

него и крикнуть массам: «Распяи его!» И так повороты совершаются непрерывно, в разные стороны, по мѣрѣ надобности.

Теперь наступила настоятельная необходимость повернуться к интеллигенціи. Нельзя сказать, чтобы о ней забывали и раньше. Скорѣе наоборот: ни с одной из социальных групп населенія у большевизма не происходило такого сложнаго романа, как именно с интеллигенціей. Роман развивался по крайне извилистым путям, напоминая «инфернальности» и «надрывы» героев Достоевскаго: какого - нибудь Федора Карамазова или Рогожина. Но он не прекращался ни на минуту. В основѣ его лежала все одна и та же насущная проблема — *проблема кадров*. Знаменитое ленинское «мо» о кухаркѣ, управляющей государством, вѣдь всегда оставалось только демагогическим оборотом, лишенным всякой реальной подкладки. Достаточно, в самом дѣлѣ, вспомнить состав первого совнаркома, образованнаго 28-го октября 1917 года, чтобы убѣдиться, что Ленин поставил во главѣ государства самых рафинированных интеллигентов. Интеллигенты же наполняли и всѣ ленинские центральные комитеты партіи. И к рядовой интеллигенціи обратилась лицом диктатура с первых же дней своего существованія, умоляя ее о сотрудничествѣ, то грозя репрессіями за отказ от него. Устами своего наиболѣе близкаго к старой русской интеллигенціи наркома просвѣщенія Ленин воззвал 16-го января 1918 года к русской интеллигенціи, в лицѣ учительства, придав этому воззванію настолько официальный характер, что оно было напечатано в Собр. Узак. (№ 5 за 1918 год). Заслуживает в этом документѣ вниманія, что под интеллигенціей большевики понимали тогда не просто грамотных или академически образованных людей, как опредѣляется эта социальная группа во всем мѣрѣ, кромѣ Россіи. Луначарскій обращается именно к той интеллигенціи, которая выдѣлилась в 19-м столѣтіи в Россіи, как самостоятельное, если угодно, самобытное явленіе, и вошло особым слоем в представленіе Запада о духовных силах Россіи. «В теченіе десятилѣтій, — начинает нарком свое воззваніе, — лучшая часть русской интеллигенціи служила народу и гордилась этим служеніем. Особенно важной задачей она считала дѣло просвѣщенія, дѣло пробужденія сознанія народных масс. Не малым было вліяніе интеллигенціи на пробужденіе народа, на процесс, путем котораго инстинктивная жажда справедливости угнетенных превращалась в пламенную социальную активность»...

Вступив теперь на путь новаго поворота в сторону интеллигенціи, его провозвѣстники стараются переложить на чьи-то невѣдомыя плечи отвѣтственность за тот крестный путь, который диктатура заставила пройти интеллигенцію. Лейтмотивом всѣх выступленій по поводу новаго курса является упрек, посылаемый как будто бы в пространство, в том, что «до настоящаго времени не преодолено пренебрежительное отношеніе к нашей интеллигенціи», причем это отношеніе характеризуется, как «дикость и хулиганство» (постановленіе ЦК партіи о пропагандѣ). Одна из передовых статей «Правды» (12 октября) конкретнѣе указывает, что эти черты — «величайшая дикость и хулиганство — выразились в «спецеѣдствѣ».

К какой же именно интеллигенціи становится лицом послѣ 20-ти лѣтъ заушенія интеллигенціи, совѣтская диктатура? С какой цѣлью она это дѣлает? Какими способами она хочет достигнуть своей цѣли? Всѣ три вопроса находятся в тѣсной связи между собой, и отвѣты на них органически вытекают из направленности новаго поворота.

Мы видѣли, как опредѣляла сов. власть русскую интеллигенцію в воззваніи Луначарскаго. Теперь это опредѣленіе считается, очевидно, неумѣстным. Интеллигенція, к которой поворачиваются лицом, это — кадры. Всѣ кадры, и только кадры: «кадры партійные, комсомольскіе, совѣтскіе, хозяйственные, кооперативные, торговые, профсоюзные, сельско - хозяйственные, просвѣщенскіе, военные, то-есть кадры партійнаго, государственнаго и колхознаго аппарата». Такое толкованіе понятія интеллигенціи, данное ЦК партіи, буквально повторяется в правительственной деклараціи Молотова с нѣкоторыми уточненіями. К перечисленным профессиональным группам интеллигенціи предсовнаркома причисляет в частности: работников искусства, врачей, инженеров, агрономов, техников, бухгалтеров, счетных работников «и еще цѣлый ряд других важных категорій, не говоря уже о громадной арміи вузовцев». Армія, дѣйствительно, громадная: число ея «бойцов» доходит до 10 милліонов!

Длинный ряд руководящих статей «Правды», посвященных новому курсу, обращается с лестными и льстивыми словами к каждой из перечисленных категорій: к инженерам и к технической интеллигенціи вообще, к служащим и к торговым служащим,

в частности, к учителям и студентам, к ученым и музыкантам, к сельской интеллигенции и к интеллигенции просто. Каждой из этих групп внушают чрезвычайную важность именно данной группы в общей проблеме кадров. Так, «техническая интеллигенция в нашей стране — огромная могучая сила». Но и «роль служащего в сов. государстве чрезвычайно велика». Даже служащие, работающие в торговле, — по-просту приказчики в лавках — «это органическая часть всей новой советской интеллигенции». Нечего говорить, что «наши кадры, партийные и непартийные, работающие на селе, — это большая политическая сила (подчеркнуто в передовице «Правды» от 17-10-38), а учительство — «один из основных отрядов советской интеллигенции», так же, как и «советский музыкант должен быть подлинным представителем сов. интеллигенции»...

Участники кампании имеют как-будто в виду всю интеллигенцию в вышеуказанном перечне, вплоть до лавочных сидельцев. На самом деле и в повороте лицом к интеллигенции отличаются среди неа овцы и козлицы. Но отличие проводится отнюдь не по мере интеллектуализма или — еще меньше — идеализма, а по совершенно другому признаку.

Еще несколько лет тому назад, после первой пятилетки, обнаружилась невозможность управлять хозяйственными гигантами, как и вообще государством — левиафаном, захватившим всю хозяйственную деятельность страны, не имея для этого подготовленных людей. Это и была «проблема кадров» в ее общем виде. Но в пределах этой тяжелой проблемы выкристаллизовался еще более неразрешимый вопрос — о командирах. Не о «командующих», — таковых было в избытке, ибо их поставляли партия и ее «резерв» — комсомол. Чтобы «сидеть на шею и махать хвостом» (как выразился с неподобной меткостью один из колхозников на заседании междоколхозной комиссии центр.-черноземной области в 1932 г.), у мужика, у инженера, у чиновника, достаточно было, — так, по крайней мере, казалось, — семи миллионов партбилетчиков. Но одно дело «командовать», а другое дело — быть командиром в деловом и техническом смысле этого слова. Командир промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли, просвещения, административного аппарата должен иметь не только партбилет в кармане, но и царя в голове. Он должен быть

интеллигентом, хотя бы в новом, профессиональном толковании этого понятия. Но этого одного мало. Если этот командир-интеллигент и будет семи пядей в лбу, он безсилен командовать, когда над ним имѣется «командующій» из тѣх, кто привык травить интеллигента, причем сам командир - интеллигент остается безправным. Тут-то и обнаружилась необходимость стать лицом к интеллигенту, и в первую очередь к интеллигенту - «командиру».

Это очень ясно сказано в цитированном постановлении ЦК партіи о пропагандѣ: «Практика нашей пропаганды упустила из виду командные кадры — нашу совѣтскую, партійную и непартійную интеллигенцію». Еще точнѣе: «Совѣтское государство — государство новаго типа, невиданное в исторіи человѣчества. Чтобы успѣшно управлять таким государством, нужны значительные командные кадры. (курсив наш), нужна своя совѣтская интеллигенція». Такова общепринципальная постановка вопроса, ставящая знак равенства между интеллигентами и командирами. Она ясно показывает, что теперешніе правители СССР рассматривают новую интеллигенцію, как служилое сословіе. И здѣсь вмѣстѣ с отвѣтом на вопрос, кто та интеллигенція, к которой поворачивается лицом неолевизм Сталина, мы видим в зародышѣ отвѣт на второй вопрос: какова цѣлеустремленность этого поворота.

Командиры в совѣтском государствѣ, это, по опредѣленію Жданова, тѣ, через которых «рабочій класс ведет свою внутреннюю и вѣшнюю политику». Оставим обязательное «украшеніе» новаго курса неизбѣжной фразой о «рабочем классѣ» на счету обычных эвфемизмов большевистскаго языка. Остается основная суть: через командную интеллигенцію диктатура отнынѣ собирается командовать страной. Или, как это выражено в одной из статей «Правды», — «служащіе государственнаго аппарата являются проводниками и исполнителями директив высших государственных органов». На первый взгляд в этом как-будто нѣтъ ничего оригинальнаго: выполнение приказов правительства обязательно для всякаго чиновника, и в условіях демократическаго строя. А слѣбое исполненіе «видов» являлось и до новаго курса безусловной повинностью совѣтских чиновников. Но до сих пор совѣтскіе диктаторы думали, что чиновник может вести политику, предписываемую сверху, и проводить «директивы», оставаясь, с

одной стороны, в сторонѣ от «идеологій» строя и будучи представлен, с другой стороны, полному произволу казенных жрецов этой идеологій. Теперь наступило в этом отношеніи нѣкое просвѣтлѣніе в мозгах. Большевизм поворачивается лицом к своей многомиллионной служилой интеллигенціи, и в первую очередь к сотням тысяч командиров, чтобы одновременно поставить эту интеллигенцію в болѣе или менѣе равноправное положеніе с партійными чиновниками, и вмѣстѣ с тѣм, не добиваясь включенія интеллигенціи в патентованную партійную аристократію, вовлечь ее в свою идеологическую орбиту.

Обратимся сначала ко второму из этих двух моментов, как наиболее наглядному. Всякій, кому приходилось работать с совѣтской властью в теченіе продолжительнаго времени, мог прослѣдить ту постепенную эволюцію, которую обязаны были прорѣдять безпартійные интеллигенты на пути от простой «лояльности» к идейной преданности. В первые годы, в сущности, с безпартійнаго интеллигента не спрашивали даже лояльнаго паспорта: одной готовности отказаться от «саботажа» было достаточно, чтобы сойти за добросовѣстнаго совелужащаго. В упомянутом уже воззваніи Луначарскаго, покойный нарком как бы заравѣ выдавал индульгенцію тѣм интеллигентам, которые, несмотря на свою оппозиціонность, готовы работать с совѣтской властью. «Народ зовет вас работать вмѣстѣ!» — восклицает он. «Вы не согласны с политикой пролетаріата? Отлично! Критикуйте!» Мы знаем, что попытка «критиковать» кончалась неизмѣнно лишеніем возможности просто разговаривать. Но отказавшись от «критики», можно было работать, не имѣя обязанности «распинаться». Однако, золотой вѣкъ толерантности продолжался не долго. Стали спрашивать: како вѣруешь? В анкетах появились рубрики о «сочувствіи» совѣтской власти. С «сочувствіем» интеллигенція долго обходилась, — пока не появились «враги». Когда же с торжеством вождизма врагами сдѣлались и всѣ инако - мыслящіе в партіи, и простые смертные, требованіе лояльности перешло в требованіе преданности. Отсюда был уже один шаг до установленія новаго паспорта со званіем «непартійнаго большевика», пущенным в ход самим Сталиным в 1935 г.

Выдача таких паспортов входит существенной составной частью в новый поворот. Она приурочена к выпуску новой исторіи партіи и непосредственно примыкает к ней. Свое обращеніе к ин-

теллигенціи Молотов, в его цитированной выше рѣчи, с этого и начинается: «Эта книга (исторія партіи) сыграт особую организующую роль в отношеніи кадров сов. интеллигенціи, от преданности и сознательнаго участія которой в нашем социалистическом строительствѣ зависят столь многіе успѣхи нашего дѣла». Высказыванія подобнаго рода безчисленны во всѣх выступленіях послѣдних мѣсяцев, имѣющих отношеніе к новому курсу. Красной нитью проходит в этих выступленіях «задача марксистско-ленинскаго воспитанія сов. интеллигенціи», как формулирует новый курс ЦК партіи в своем постановленіи о пропагандѣ. Никто, ни один из 10-ти милліонов интеллигентов, и уж во всяком случаѣ никто из «командиров», на каком бы участкѣ совѣтскаго фронта он ни командовал, не может уйти от изученія исторіи партіи, которая признана теперь единственным легальным источником теоріи большевизма. Уж на что ученые по призванію и специальности — совѣтскіе профессора, и им, работникам науки, «надо неустанно учиться у Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». От интеллигента требуется теперь, чтобы он был идейным ударником. В его обязанности входит усвоеніе такого важнаго элемента идейности, как «бдительность» и непримиримость к врагам. В этой дѣйствительной сторонѣ непартійнаго большевизма кроется один из прикладных, но далеко не маловажных побудительных мотивов новаго поворота.

Оказывается, что интеллигентскіе кадры не были на высотѣ своих задач. «Часть кадров, — констатирует ЦК партіи, — лишённая идейной закалки, политически свихнулась, запуталась и стала добычей иностранных развѣдок и их троцкистско-бухаринской агентуры». И что страшнѣе всего — вывих идейных мозгов интеллигентных кадров в сторону смычки с врагами не пощадил ни одного слоя этих кадров. Так, торгово-кооперативные кадры оказались жертвами вредителей - врагов, потому что они были лишены политическаго воспитанія. Но и государственных чиновников попутал враг, который «пытается пролѣзть во всѣ щели», не защищенныя «идейно-политическим воспитаніем». А что касается командных высот идеологических, то там опасность особенно велика. Так, научные работники рискуют подпасть под разлагающее вліяніе всякаго рода «теорій» и «теоріек», «бур-

жуазное происхождение которых несомненно». Ученый, может быть, и знает свою область науки, но не умеет распознавать и разоблачать вражескія теории, не будучи вооружен против них единственно вѣрной теоріей, воплощенной в новѣйшей исторіи партіи. Таким образом, прохожденіе этого курса кадрами интеллигенціи дѣлается насущной практической необходимостью. В какой бы отрасли науки ни работали ученые, — восклицает передовик «Правды» (23 декабря), — они обязаны быть воинствующими материалистами!..

Таким образом, интеллигентским кадрам открывают доступ к партинстиѣ. Трудно переоцнить как раз в этом пунктѣ значеніе новаго поворота. Как гласит постановленіе ЦК партіи, новыи «Курс» исторіи «обращен в первую очередь к руководящим кадрам всей нашей партійной и непартійной интеллигенціи, как в городъ, так и в деревнѣ». Перекидывается мост между тѣми, кто 21 год причисляли себя к жреческому сословію, и всей безправной до сих пор массой интеллигенціи, которая была отдѣлена от этого сословія глубоким рвом. В своем стремленіи завоевать миллионы служилой интеллигенціи Сталин пошел очень далеко. Настолько далеко, что мы, повидимому, стоим перед фактом перерожденія всей базы вождизма. Если до сих пор считалось непогрѣшимым догматом ученіе о том, что в СССР царит диктатура пролетаріата, в лицѣ его «авангарда», то теперь и пролетаріат должен отодвинуться в сторону перед выросшей опорой, и авангард должен потѣсниться и дать этой опорѣ мѣсто рядом с собою.

Изученіе «курса» предписано «дифференцировать». Партійную и непартійную массы приказано дѣлить на три категоріи: «низовое звено», «среднее звено» и «высшее звено». Тут получает господство выдуманная Сталиным теорія социализма: от каждаго по способности и каждому по результатам его труда. Партійная «сѣрая скотинка», об'екты командованія, как «недостаточно подготовленная», изучает катехизис «в сокращенном об'емѣ». «Среднее звено», которое опредѣляется как наиболѣе многочисленная часть кадров, изучает «Курс» полностью. И наконец, «высшему звену», подлинным командирам, предписывается изучать «Курс» по подраздѣлам каждой главы, одновременно с изученіем соответствующих произведеній Маркса - Энгельса - Ленина - Ста-

лина по первоисточникам». Ибо еще и еще раз, — это не устают повторять по каждому поводу, — **Курс исторіи**, это «боевое теоретическое оружіе, которое дал сталинскій ЦК, **р а з с ч и т а н**, прежде всего, **н а н а ш у с о в ъ і с с к у ю и н т е л л и г е н ц і ю**».

Так, по строго обдуманному плану, сливаются всѣ три элемента поворота лицом к интеллигенціи: суб'ект, цѣль, средства. Старая русская интеллигенція, свободно- и свободномыслящая должна исчезнуть, поскольку она еще не перемерла. Шире дороги интеллигенціи! — по интеллигенціи Сталина, воспитанной по его евангелію, преданной его завѣтам, исполняющей его приказанія.

В постановленіи ЦК партіи об изученіи новаго завѣта сталинизма, прямо сказано, что изложенные в «Курсѣ» догматы «**н е д о п у с к а ю т н и к а к и х п р о и з в о л ь н ы х т о л к о в а н і й**». Для того он и составлен, чтобы «положить конец произволу и неразберихѣ в изложеніи исторіи партіи, обилію различных точек зрѣнія». Никаких точек зрѣнія! Совѣтскій интеллигент обязан выучить догматы вѣры сталинизма, но не смѣет их толковать. Предписано «замѣнить отдѣльные устарѣлыя положенія и выводы новыми выводами и положеніями, соответствующими новым историческим условіям». Если бы непартійный большевик - командир и чиновник - интеллигент захотѣл вспомнить пути старой интеллигенціи, то они ему закрыты. Ибо сказано в постановленіи ЦК, что интеллигенту дается в руки единожды и навсегда «руководство» и притом такое, «в котором историческій материализм связан с политикой партіи».

Допустив совѣтскую интеллигенцію к партійному просвѣщенію, нашли необходимым заранее устроить карантин против занесенія свободомыслія. Отнынѣ объявлен запрет против того, что в течение 20-ти лѣт считалось достиженіем и завоеваніем совѣтскаго просвѣщенства: против «кружков». Необходимо, — говорит ЦК, — разбить предрасудок, будто учиться марксизму - ленинизму можно только в кружкѣ. Чѣм же вредны кружки? Очень просто: в кружках люди разсуждают. Кружок, как никак, — ячейка свободной мысли. При наличіи тысяч и тысяч кружков за ними невозможно услѣдить. «Обиліе кружков лишает возможности контролировать пропагандистскую работу по существу». С этим можно было мириться, пока «пропа-

ганда» замыкалась в кастовых стѣнах партіи, при чем погоня шла за «низшими звеньями». Теперь, когда партійная «теорія» открывается для милліонов грамотных интеллигентов и полуинтеллигентов, необходим глаз да глаз. Централизація преподаванія катехизиса сверху донизу — такова броня, которою сталинизм заранѣе обезпечивает воспитаніе новой интеллигенціи в духѣ, соотвѣтствующем видам диктатуры.

Поворот Сталина лицом к интеллигенціи обнаруживает свое социальное и политическое значеніе в свѣтѣ рѣшающих поворотов, совершенных им в послѣдній год в партіи и комсомолѣ, как и в рабочей политикѣ. От ликвидаціи ленинских олигархов в процессѣ Рыкова - Бухарина, через разгром стараго комсомола и его руководства, к закатію в тиски государственнаго капитализма арміи рабочаго пролетаріата, — таковы вѣхи, которыя были поставлены на пути к измѣненію удѣльнаго вѣса совѣтских сословій. В концѣ этого пути вырисовалось новое сословіе — служилой интеллигенціи, к которой повернулась диктатура. Партійный террор Сталина означал не что иное, как ставку на истребленіе верхушечной интеллигенціи стараго большевизма. Партійно - интеллигентская аристократія встала на пути личнаго режима. Сталин замѣщает уничтоженную партійную интеллигенцію новой к о м а н д н о й в е р х у ш к о й, и болѣе многочисленной, и гораздо менѣе отягощенной грѣхами идеологической связанности с демагогіей «октября». Это — одна сторона поворота. Другая сторона упирается в борьбу с молодняком, воспитанным большевизмом на отрицаніи моральных и интеллектуальных цѣнностей и дошедшим в этом нигилизмѣ до таких предѣлов, когда он стал опасным режиму. Трактваніе комсомольцами всей непартійной служилой интеллигенціи, как «людей втораго сорта», «низшаго сорта», ставится политбюро в главную вину смѣщенному недавно руководству комсомола во главѣ с многолѣтним воспитателем комсомола — Косаревым. Тѣм болѣе, что, как это обнаруживается, комсомольцы, мобилизованные в свое время сталинизмом, когда ему нужно было итти походом на деревню, развратились в этом походѣ, пропитались внушенным им культом голой силы и насилія. И теперь они опустошены. Работать не умѣют, разложились в бытовом смыслѣ, невѣжественны, учиться не желают, даже впадаютъ неграмотностью. Демобилизація этой недавней опоры государственнаго и хозяйственнаго аппарата стала насущной необ-

ходимостью. Новый поворот ставит на ея мѣсто широкій слой полукомандиров из полуинтеллигенціи. И, наконец, «низовое звено» служилого сословія, которое только с большой натяжкой может быть отнесено к категоріи интеллигенціи, хотя бы в скромном сталинском смыслѣ, заступает в социальном фундаментѣ тот самый пролетаріат, от имени котораго продолжают осуществлять диктатуру, но который стал ея помѣхой. Недавнія драконовскія мѣры, принятыя против этого пролетаріата, не только обнажают экономическій туник, в который завели диктатуру ея «темны» и выход из котораго видят только в неприкрытом крѣпостничествѣ. Все большее и большее выдвигеніе «мастера», в прямом и переносном смыслѣ, показывает, что низы служилой интеллигенціи мобилизуются Сталиным на мѣсто уволенных в безсрочный политическій запас людей «с мозолями в руках», о которых не без презрѣнія говорил на пленумѣ комсомола Жданов.

Так родился волею диктатуры вождя новый человек: непартийный большевик. К нему-то, дав ему при крещеніи лестное имя интеллигента, поварачивается лицом Сталин. На самом дѣлѣ диктатор пытается повернуть этого интеллигента лицом к себѣ. Для этого с интеллигентом заключают компромисс: выучи исторію партіи и будешь причислен к лику «авангарда». С палкой командира в рукѣ и с катехизисом сталинизма в головѣ совѣтскій интеллигент ставится на караул для охраны того строя, который дает ему бытіе. Как и всякій человек, и этот караульный сталинизма не имѣет права отвлекаться от своего поста. Интеллигент — да, но из этого интеллигента вытравляется живой дух интеллигенціи: право критики и независимость мысли, даже в тѣх предѣлах, какіе пытались отвоевать себѣ партійная интеллигенція и полуинтеллигенція.

Особенность социальнo - политической демагогії Ленина заключалась в том, что он на словах обращался к пролетаріату, а на дѣлѣ опирался на партійную интеллигенцію. Демагогія Сталина, диктуемая обстановкой, создавшейся в итогѣ 20-лѣтняго режима и повелительно подводящей баланс октябрьской революціи, состоит в том, что она и на словах, и на дѣлѣ сбрасывает со счетов ленинскую «кухарку» и обращается лицом к «командирам».

Л. Торопецкій